МИР 19.11.2019 | Джозеф Стиглиц

Садись, два

Кого не научил финансовый кризис, тому задаст урок климатический кризис: неолиберализм несет смерть нашей цивилизации

В конце Холодной войны политолог Фрэнсис Фукуяма написал знаменитое эссе под названием «Конец истории?». Крах коммунизма, доказывал Фукуяма, уничтожит последнее препятствие, отделяющее весь мир от его финальной цели – либеральной демократии и рыночной экономики. Многие с этим согласились.

Сегодня мы видим, как либеральный мировой порядок, основанный на правилах, отступает, а авторитарные правители и демагоги управляют странами, где проживет намного больше половины мирового населения, поэтому идея Фукуямы выглядит старомодной и наивной. Тем не менее, она подкрепляла неолиберальную экономическую доктрину, доминировавшую на протяжении последних 40 лет.

Авторитет неолиберальной веры в нерегулируемые рынки как в самый надежный путь к всеобщему процветанию сегодня дышит на ладан. Так и должно было случиться. Одновременное падение доверия к неолиберализму и к демократии не является каким-то совпадением или простой корреляцией. Неолиберализм ослабляет демократию уже 40 лет.

Из-за той формы глобализации, которая была продиктована неолиберализмом, как отдельные люди, так и целые общества в значительной мере утратили возможность контролировать собственную судьбу. Это очень четко объясняет Дэни Родрик из Гарвардского университета, и об этом пишу я в своих новых книгах «Еще раз о глобализации и недовольных ею» и «Народ, власть и прибыли». Последствия либерализации рынков капитала оказались особенно ужасными: если ведущий кандидат в президенты развивающейся страны терял расположение Уолл-стрит, банки могли просто вывести свои деньги из этой страны. В результате, избиратели оказывались перед жестким выбором: покориться Уолл-стрит или столкнуться с серьезным финансовым кризисом.

Получалось, что у Уолл-стрит было больше политической власти, чем у граждан страны.

Но даже в богатых странах рядовым гражданам говорили: «Вы не можете добиться желаемых политических решений» (будь это адекватная социальная защита, приличные зарплаты, прогрессивное налогообложение или хорошо регулируемая финансовая система), «потому что страна утратит конкурентоспособность, рабочие места исчезнут, а вы пострадаете».

Как в богатых, так и в бедных странах элита обещала, что неолиберальная политика приведет к ускорению экономического роста, а выгоды этого роста будут «просачиваться сверху низ», так что каждому, включая беднейших, жить станет лучше. Но для этого работникам надо согласиться на более низкие зарплаты, а всем гражданам смириться с сокращением финансирования важных государственных программ.

Вопреки своему названию эпоха неолиберализма была крайне далека от либерализма. Она навязывала интеллектуальную ортодоксию, защитники которой проявляли крайнюю нетерпимость к несогласным.

Элита заявляла, что ее обещания опираются на научные экономические модели и «исследования, основанные на фактах». И вот, спустя 40 лет, мы имеем следующие цифры: темпы роста экономики замедлились, а плоды этого роста почти полностью достались лишь очень немногим наверху. В условиях, когда зарплаты стагнировали, а индексы фондовых рынков стремительно росли, доходы и богатство стали утекать наверх, а не просачиваться вниз.

Как ограничение роста зарплат (ради достижения или сохранения конкурентоспособности) и сокращение государственных программ в принципе могут помочь повышению уровня жизни? Рядовые граждане чувствовали, что им продали испорченный товар. И они были правы, чувствуя себя обманутыми.

Сегодня мы наблюдаем политические последствия этого великого обмана: возникло недоверие к элитам, к экономической «науке», на которую опирается неолиберализм, и к коррумпированной политической системе, благодаря которой все это стало возможным.

Реальность такова: вопреки своему названию эпоха неолиберализма была крайне далека от либерализма. Она навязывала интеллектуальную ортодоксию, защитники которой проявляли

крайнюю нетерпимость к несогласным. К экономистам с неортодоксальными взглядами относились к еретикам, которых следует избегать или, в лучшем случае, изолировать в немногих, обособленных институтах. Неолиберализм был мало похож на то «открытое общество», которое отстаивал Карл Поппер. Как подчеркиваетДжордж Сорос, Поппер признавал, что наше общество представляет собой сложную, постоянно эволюционирующую систему, и чем больше мы узнаем, тем больше наше знание меняет поведение этой системы.

Нигде эта нетерпимость не проявлялась в такой же степени, как в макроэкономике, где доминирующие модели исключали вероятность кризиса, подобного тому, который мы пережили в 2008 году. И когда невозможное все же произошло, этот кризис стали считать чем-то вроде наводнения, случающегося раз в 500 лет: невероятное происшествие, которое не могла предсказать ни одна модель. Даже сегодня защитники этой теории отказываются соглашаться с тем, что их вера в саморегулирующиеся рынки и их игнорирование внешних факторов под тем предлогом, что они либо отсутствуют, либо неважны, стали мотором политики дерегулирования, которая сыграла ключевую роль в приближении кризиса. Эта теория жива до сих пор, а ее сторонники предпринимают достойные Птолемея попытки примирить свою теорию с фактами, что лишний раз доказывает старую реальность: однажды укоренившись, плохие идеи обычно медленно умирают.

Если финансовый кризис 2008 года не заставил нас понять, что нерегулируемые рынки не работают, тогда это точно сделает климатический кризис: неолиберализм в буквальном смысле несет смерть нашей цивилизации. И уже очевидно, что демагоги, желающие, чтобы мы отвернулись от науки и от толерантности, лишь усугубят наше положение.

Единственный путь вперед, единственный способ спасти нашу планету и нашу цивилизацию – дать новое рождение истории. Мы должны возродить дух Просвещения и вновь обязаться чтить его ценности свободы, уважать знания и демократию.

(c) Project Syndicate, 2019

Джозеф Стиглиц

Нью-Йорк

Джозеф Стиглиц (Joseph Stiglitz) является профессором Колумбийского университета, ранее занимал должность председателя Совета экономических консультантов при президенте США Клинтона, а также вице-президента и шеф-экономиста Всемирного банка. Лауреат Нобелевской премии по экономике (2001).